

Но выражение лица у Ли-эр-сао оставалось спокойным — ведь она вовсе не слушала, о чём говорили остальные. Как только Тан Шоу достал хлопок, её взгляд тут же приклеился к нему — с завистью, с вожделением, с горькой жёлчью. Она протянула:

— Вот везёт же кому-то... Сюн-фулан зимой на тёплой лежанке, в меховой одежде и сапожках, да ещё под мягким ватным одеялом спит. Такая зима для него, небось, ни о чём — никакого страха перед холодами. Не то что у других...

Затем она злобно сощурила глаза и, словно между делом, будто бы ненароком, добавила со странным выражением:

— Да, есть ведь и такие, кто этой зимой прямо насмерть замёрз. С одной деревни вроде, а разница — как небо и земля. Эх!

В ту же секунду вся лёгкость и тепло, царившие в комнате, моментально улетучились. Сердце Тан Шоу перевернулось — словно его опрокинули вниз головой.

А Ли-эр-сао всё не останавливалась, по-прежнему напуская на себя небрежный, почти беспечный тон, в котором тем не менее звучала нарочитая горечь, словно смазанная жалостью:

— Вот ведь совпало — я как раз шла к вам, и на дороге встретила двух ваших деревенских, что несли тело, завернутое в рваную соломенную циновку. Мне стало жаль, я расспросила, и оказалось — умершая старуха была из семьи У. Замужем была, но на третий год мужа на войну забрали — и через пару месяцев пришла весть, что он погиб. Она одна тянула двух сыновей, в поте лица растила. Те еле доросли до шестнадцати, и в ту же злополучную пору снова пошёл набор в армию. Обоих забрали. Меньше чем через год — снова похоронки. Оба мертвы.

— И вот осталась она, одна-одинёшенька. Без опоры, без поддержки, бедная и забытая. А теперь вот умерла — и никто толком не знает, когда. Только соседи, которые иногда ей помогали, заметили, что её не видно, и пошли навестить... А она уж застыла, лёд внутри и снаружи. Точно сказать, когда умерла, нельзя, но ясно — насмерть замёрзла. — Ли-эр-сао сокрушённо щёлкнула языком. — Ужас, просто ужас...

Если перелистать древнюю историю Китая, то становится ясно, что в каждой эпохе зимой умирало от холода бесчисленное множество людей. Тогда это воспринималось лишь как холодная, безжизненная цифра, не вызывающая ни малейшего отклика, не затрагивающая душу. Но сейчас, когда такое происходит прямо рядом, да ещё и с человеком, которого знаешь, даже самое закалённое сердце, если оно всё ещё бьётся, не может остаться равнодушным.

Тан Шоу помнил эту старуху — она была на их свадебном пиру с Сюн Чжуаншанем. Тогда Сюн Чжуаншань посадил за один стол нескольких одиноких стариков из деревни, и, наливая им вино, из-за их жалкого положения особенно тронул Тан Шоу. Он хорошо запомнил ту старушку по фамилии У, добродушную, с ласковой улыбкой. Она смотрела на него и с весёлым прищуром говорила, что у него счастливое лицо, значит, судьба будет благосклонна, а с Сюн

Чжуаншанем они и вовсе — пара, что надо. Тогда Сюн Чжуаншань был так растроган, что на прощание сунул ей кусок мяса.

И вот теперь, такой живой в памяти человек вдруг исчез — и не от какой-то болезни, а от холода, по причине, которая в понимании Тан Шоу в будущем мире была бы просто невысказанной. Он был потрясён и какое-то время не реагировал.

Когда его взгляд упал на кан, сердце сжалось, словно сотни игл пронзили его разом. Лицо смертельно побледнело. Сюн Чжуаншань бросился вперёд, едва коснулся его рук — и Тан Шоу уже рухнул к нему в объятия.

В следующее мгновение в комнате осталась лишь безудержная скорбь.

Видя, как лицо Сюн Чжуаншаня мрачнеет, становясь всё более жестоким и злобным, Ли-да-няньцзы поспешно схватила вторую невестку за руку и, не оборачиваясь, выскочила из дома семьи Сюн, в душе коря себя за то, что позволила ей прийти — лучше бы сама сдала эти стельки. Если после всего этого семья Сюн не станет предъявлять претензий, она больше ни за что не позволит невестке переступить порог их дома, и впредь все стельки на проверку будет носить лично. Братья из семьи Чжэн и бабушка Чжан тоже не задержались, вслед за ними один за другим попрощались и поспешили покинуть дом Сюн.

По дороге Ли-да-няньцзы принялась отчитывать свою невестку, но та, ничуть не чувствуя себя виноватой, лишь насмешливо фыркнула:

— Я просто так, словом обмолвилась, он тоже просто так послушал, да и к тому же — ничего такого я не сказала. Что со мной не так?

— И этого тебе мало? — возмутилась Ли-да-няньцзы. — Всё, что у семьи Сюн есть, они заработали честно, своим трудом и умением. А ты своими словами выставила их будто бессердечными, как будто им всё равно, что кто-то умирает.

Если бы Ли-да-няньцзы жила в будущем и имела дело с интернетом, она бы поняла, что это и называется моральным шантажом: раз у тебя есть деньги — ты должен их отдать на помощь бедным. Кто-то заработал миллиарды? Немедленно пожертвуй миллионы на благотворительность, иначе ты — бессердечный, лицемерный, отвратительный человек без капли сострадания.

И пусть вторая невестка прямо ничего не сказала, но в её речах сквозила явная подоплёка: если бы Тан Шоу поделился своим мастерством по устройству кана, если бы в деревне все умели делать такие, то тогда и у всех были бы тёплые кровати, и старуха У не умерла бы от холода.

— Я такого не говорила, — с равнодушием откликнулась вторая невестка Ли. — Если они всё принимают на свой счёт, значит, у них самих совесть нечиста. Только такие и начинают

паниковать по пустякам, стоит чему-то шевельнуться. — словно речь шла о погоде, а не о человеческой жизни, она пожала плечами и, оглядевшись, вдруг добавила: — Надо же, семья Сюн и правда богата, хлопка-то сколько!

С этими словами она потянулась рукой к хлопку. Пока Ли-да-няньцзы спохватилась, у той уже была целая охапка в руках. От ярости Ли-да-няньцзы тут же бросилась отнимать, не стесняясь, начала хватать её за руку, щипать и шлёпать, пока не вырвала хлопок обратно.

Заполученное она поспешно затолкала обратно, и, дойдя до порога своего дома, резко обернулась и, не сказав ни слова, с силой захлопнула дверь.

— Ай, ну и ну! — возмутилась вторая невестка. — Ты что, на сторону чужих встаёшь? Ты вообще понимаешь, кто тебе родня, а кто — нет? Я ведь взяла хлопок не из твоего дома, а у чужих, чего ты так всполошилась? — она злобно добавила: — Заработали чуть-чуть грошиков — и уже возомнили себя небожителями! Мелкие людишки, добравшиеся до власти!

Внезапно дверь дома семьи Цай с грохотом распахнулась, и Ли-да-няньцзы, чёрнее тучи, холодно бросила:

— Когда закончишь подшивать эти две пары стелек — отдашь мне. И запомни: больше ты в дом семьи Сюн ни ногой. Иначе я сама пойду к Сюн-фулану и скажу, чтобы больше не нанимал тебя. Ты ведь и сама видела, он ко мне прислушивается, и если я скажу — он не откажет.

Сказав всё, что хотела, Ли-да-няньцзы с грохотом вновь захлопнула дверь прямо перед её лицом. Вторая невестка Ли с неловкой гримасой почесала нос, раздражённо развернулась и ушла.

А в доме семьи Сюн Тан Шоу, которого Сюн Чжуаншань, словно принцессу, на руках усадил на тёплый кан, так и не нашёл в себе сил сопротивляться. Лицо его было бледным, почти болезненным.

Тан Шоу прекрасно знал, что он не святой, не был рождён для того, чтобы спасти мир, исцелять страдания — для этого есть бодхисаттвы. Но когда он услышал, что умер человек, которого он знал, он ощутил сильную, глухую боль. Боль, пронзительную и мучительную.

— В деревне каждый год кто-нибудь умирает от холода: старики, подточенные болезнями, или новорождённые младенцы, — сказал Сюн Чжуаншань. Он был грубым, прямолинейным мужчиной, за двадцать восемь лет жизни так и не научившимся говорить мягко. Но сейчас он старался говорить ласково, утешая Тан Шоу. И хотя прозвучало это всего лишь как сухое констатирование факта, в его голосе сквозила такая тёплая забота, что, окажись кто-то из деревенских поблизости и случайно услышал бы, он наверняка подумал бы, что Тан Шоу увёл у кого-то мужа, причём самого добродушного, кроткого и мягкого, прямо противоположного по характеру Сюн Чжуаншаню.

— Я это понимаю, — тихо ответил Тан Шоу. — Но всё равно больно. Всё равно не отпускает. Мысль лезет в голову: если бы в доме у бабушки У была тёплая лежанка, может, она бы и не умерла. А я... я в этот момент зажал в руках глиняные кирпичи и греб серебро лопатой. — от этих мыслей казалось, что каждый медяк, что он заработал, пропитан кровью бабушки У.

— Почему ты так думаешь? — нахмурился Сюн Чжуаншань. — Это ведь вовсе не твоя вина. Способ устройства тёплой лежанки — твоя собственная находка. Ты имеешь полное право зарабатывать на нём. Это не грязные деньги и уж точно не несправедливый доход.

Тан Шоу понимал всё это разумом, но всё равно не мог остановить поток бессмысленных, мучительных мыслей.

В ту же ночь ему приснился кошмар. Во сне бабушка У лежала на изорванной соломенной подстилке, и её лицо, которое в памяти осталось добрым и ласковым, теперь исказилось от боли в страшную гримасу. Щёки у неё посинели от холода, кожа побелела, а губы, дрожащие, без конца шептали: «Холодно... очень холодно... я так замёрзла...»

— Фулан... фулан... Тан Шоу...

Он проснулся в холодном поту, тяжело дыша, прижавшись к груди Сюн Чжуаншаня, надёжной, словно крепость.

— Не бойся, это всего лишь кошмар, — мягко сказал Сюн Чжуаншань.

Тан Шоу тихо ответил «мм», долго молча лежал в его объятиях, а потом вдруг прошептал:

— Я хочу раскрыть способ устройства кана. Пусть в мире и слишком много несчастных, чтобы я мог помочь всем, но хотя бы сделать то, что в моих силах, я хочу. Не ради чего-то, а просто чтобы быть спокойным... чтобы совесть моя была чиста.

В династии Юй пять лян серебра — это пища на два года для простой семьи из трёх человек. А сейчас за один кан из глиняных кирпичей дают по двадцать лян — пять канов, что они уже построили, стоят сотню лян. И это ведь далеко не предел: зима только начинается, и вряд ли они ограничатся всего пятью канами. В самом уезде Юйлинь, да ещё в соседних с ним городках, богачей хватает. Пусть не все готовы платить по двадцать лян, чтобы получить лежанку первыми, но вот предложи за пять — желающих будет не счесть. Всем хочется пережить зиму в тепле.

А ведь это только Юйлинь и его окрестности. В столице — Дунцзине — об этом пока даже не слышали. А если узнают настоящие аристократические семьи, те, что действительно владеют состояниями, тогда и доходы будут несоизмеримо выше.

Хотя способ устройства лежанки принадлежит, в конце концов, Тан Шоу, сейчас они с Сюн

Чжуаншанем — семья. А значит, дело касается уже не только его одного — решение должно быть обоюдным. И всё же речь идёт о такой огромной сумме... Сто лян — для Сюн Чжуаншаня, выросшего в крестьянской нищете, это словно в мире будущего бедняку из трущоб вдруг досталась выигрышем десятки миллионов: человек, который только вчера жил впроголодь, ел мякину и пил пустую похлёбку, в одночасье становится богачом и может вести жизнь в роскоши. И вот, когда это богатство уже почти в руках, его вторая половина вдруг говорит — отказаться от всего. Ради посторонних, не имеющих к ним ни малейшего отношения людей.

Это был чистейший, обнажённый до предела нравственный выбор. Даже в будущем, где людей — миллиарды, Тан Шоу и то сомневался, много ли найдётся тех, кто смог бы на это решиться.

Если бы он не попал в династию Юй, а остался в своём времени, и кто-то задал бы ему такой вопрос — он не знал бы, как ответить. Потому что не знал бы, удастся ли когда-нибудь снова заработать столько. Если отказаться, что тогда? Как жить? Всё требует денег — и еда, и жильё, и сама жизнь. А если однажды родители заболеют, а у него не окажется средств на лечение, и всё только потому, что когда-то он отказался от этой огромной суммы? Как тогда смотреть им в глаза? Как жить с этим?

А сейчас он может с лёгкостью решиться отдать способ устройства кана только потому, что он — человек из будущего. Он перенёс с собой множество преимуществ, умеет многое, чего здесь никто не умеет. Откажется от этого — найдёт, чем заменить. У него всё ещё есть множество способов заработать.

Но всего этого Сюн Чжуаншань не знал. Для него нынешний выбор выглядел как отказ от миллионов и от всей той роскоши, что они сулили, ради туманного, неведомого будущего. Мизерная вероятность — достичь богатства и успеха, куда вероятнее — остаться в бедности, в которой, случись тяжёлая болезнь, не найти даже денег на лекарство.

Это был слишком тяжёлый выбор, чтобы Тан Шоу мог просто умолчать, скрыть всё и заставить Сюн Чжуаншаня принять решение вслепую. Пусть он не мог открыто признаться, что попал сюда из другого мира, но он мог сказать, что у него есть другие способы заработать, и тогда у Сюн Чжуаншаня хотя бы появится причина, чтобы отказаться от этой прибыли.

Тан Шоу только открыл рот, собираясь всё объяснить, как вдруг услышал твёрдое и звучное:

— Угу.

Всего один слог, но в нём было столько силы, будто он готов был обрушить горы и перевернуть реки.

Тан Шоу застыл, потрясённо уставившись на него, не в силах пошевелиться.

Сюн Чжуаншань опустил глаза, посмотрел на притихшего, будто ошеломлённого супруга у себя на руках и мягко поцеловал его в макушку.

— Фулан, — негромко сказал он, — этот способ с тёплой лежанкой — твоя идея, значит, он твой. Я ведь уже говорил — в нашем доме хозяйством заведешь ты, и это были не просто слова. — грубый мясник, словно внезапно прозрел, будто в нём открылись потайные жилы нежности, и теперь говорить о чувствах ему стало легко и естественно. — Всё, что мне действительно важно — это ты. Просто ты, как ты есть.

Атмосфера сложилась настолько подходящая — словно само небо благословило этот миг, — что не воспользоваться ею казалось Тан Шоу почти преступлением перед этой гармонией момента.

Разумеется, мясник, у которого в голове в такие минуты крутилась только одна мысль — схватить и не отпускать, — не упустил такой шанс. Словно по сигналу, он навалился на него, действуя, как всегда, резко и грубо.

Когда всё вокруг уже тряслось и переворачивалось, Тан Шоу не мог отделаться от ощущения, что что-то тут не так. Почему всё снова закончилось именно так? Почему жертвой каждый раз оказывалась именно его многострадальная задница?

Он мысленно извинился перед ней. Она ведь прошла с ним через столько всего, и он никак не мог защитить её от этой участи.

Хотя, если вдуматься, кроме чрезмерной... половой одержимости и немного вздорного нрава, этот большой глупый медведь на самом деле был не так уж и плох. Вот если бы он ещё не думал о его заднице с утра до ночи — было бы совсем хорошо.

<http://bllate.org/book/13592/1205371>